

ВРАГ У ВОРОТ

ФАНТАСТИКА

БЛИЖНЕГО

БОЯ

Владислав МОРОЗОВ

**МЕДАЛЬ
за город
ВАШИНГТОН**

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 80

Оформление серии *С. Курбатова*

Иллюстрация на обложке —
Нина и Александр Соловьевы

Морозов, Владислав Юрьевич.

М 80 Медаль за город Вашингтон / Владислав Морозов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015 — 320 с. — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя).

ISBN 978-5-699-79779-0

2020-е годы. В Третьей Мировой войне досталось всем. Даже «золотому миллиарду». Европа и Азия лежат в ядерных руинах. Но решающее сражение с главным врагом — США — ещё впереди.

Разведывательные миссии русских солдат на вражескую территорию принесли много полезной информации. Противник всё ещё силен и готов спровоцировать новую глобальную войну, в которой надеется победить, используя новейшее, предельно бесчеловечное оружие.

Наши бойцы из десантно-штурмовой бригады готовятся провести стремительный набег, уничтожив военную базу возле самой столицы «Империи добра». Успех операции позволит лишить противника одного из главных козырей, без которого итог этой, возможной, войны будет отнюдь не однозначен...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-79779-0

© Морозов В.Ю., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ ТЕМ, КТО В НАЧАЛЕ ХХІ в.
ВОЮЕТ С ФАШИСТАМИ. СНОВА.**

Практически все люди и события, описанные в книге, вымышлены и не имеют ничего общего с реальностью, а трактовка автором некоторых реальных исторических событий и фактов необязательно совпадает с общепринятой.

Пролог

АТОМНЫЕ ТАНКИСТЫ

«Что-то с памятью моей стало,
все, что было не со мной, помню».

*Считается, что данная
песня — реакция М. Фрадкина и
Р. Рождественского на выход книги
Л.И. Брежнева «Малая Земля»*

Туман и дождь, уже третий день — сплошной, серый с пеплом и какими-то продуктами горения, капитально засоряющий триплексы и прицелы. Конечно, это нас не удивляло — до этого по Западной Германии мы шли буквально сквозь огонь и дым.

Но сейчас крупные города мы, по понятной причине, обходили. И большие пожары, сполохи от которых стояли до горизонта, оставались справа и слева от нас, там, где еще недавно были Антверпен, Гент и Брюссель. Мелкие городишки и местечки безмолвно мелькали по сторонам шоссе, так, словно всякая жизнь в них прекратилась.

Не было видно и противника. Уже дня три по нам никто всерьез не стрелял, зато мы время от времени натыкались на брошенные в изобилии немецкие, бельгийские и голландские танки и дру-

гую военную технику, скособоченную на обочинах дорог.

Да, по-настоящему мы воевали первую неделю. Вот тогда было все, хоть мы и шли во втором эшелоне. И глубокий прорыв на Падеборн, и встречные бои с еще оставшейся после столкновения с первым эшелоном наших войск элитой западного блока — «Абрамсы», М-60, «Челленджеры», «Чифтены», «Леопарды-1 и 2», и дымное небо, битком набитое авиацией, бьющей все, что движется. Никогда раньше я не видел (да, наверное, уже и не увижу), как горящие самолеты и вертолеты падали на горящие танки. Все вокруг ждали применения нейтронного оружия, которым нас пугали накануне, но так и не дождались.

Потом натовские танки и авиация стали заметно редеть, а сопротивление североатлантического блока — ослабевать, а на восьмой день, когда мы уже всю давили армейские тылы и неразвернутые тяжелую артиллерию и ракетные установки противника, наконец произошел-таки вполне ожидаемый глобальный обмен ударами. Насколько я понял, наши вдарили первыми. Ощущения были непередаваемыми — мы видели вспышки над Бонном и Кобленцем, нас даже потрянуло ударной волной от этих взрывов. Похоже, нам сильно повезло, поскольку мы оказались далеко в стороне от крупных городов и военных баз.

И было совершенно понятно, что такие же красивые «грибы» сейчас встают и позади нас, и над ГДР, и дальше, уже над Польшей и «Союзом Нерушимым», а значит, прежняя жизнь, видимо, кончилась, глобально и навсегда....

А когда мы отдышались и собрали в кучу то, что у нас осталось, последовал кодированный приказ —

вскрыть запечатанный пакет № 3 и действовать в соответствии с тем, что в нем изложено. Вскрывать пакет и командовать далее пришлось мне, поскольку никого старше меня по званию вокруг, как это ни странно, не уцелело. У нас в полку к этому времени уже недосчитались как всего управления части, так и трех комбатов из четырех...

В итоге пришлось быстро формировать сводный отряд и двигаться к цели, которую крайний раз, четыре дня назад, обозначил открытым текстом непонятно кто, назвавший наш позывной и представившийся штабом фронта (и которого мы с трудом слышали сквозь сплошной вой и треск по уцелевшим исключительно благодаря нашей предусмотрительности рациям). Кто нами сейчас командовал, я вообще не очень представлял — наш полкан Табачников погиб на пятый день (штабной КУНГ на базе «ЗиЛ-131», который он неизменно предпочитал бронированной командной технике, накрыло шальным снарядом), комдив генерал-лейтенант Кондратенко со всем штабом попал под авиаудар бундеслюфтваффовских «Фантомов» еще на третий день войны, а штаб 3-й общевойсковой армии во главе с генерал-полковником Пьянковым, похоже, за компанию со всеми прочими, накрыло ядерным ударом на восьмой день. Да и от города Магдебурга, где стоял до войны штаб нашей армии, теперь, похоже, мало что осталось. В глазах наших солдат и сержантов стоял откровенный страх и непонимание, поскольку никто не знал даже, кто вообще сейчас у руля, если от Москвы и Кремля теперь одно воспоминание, а живы ли те же Андропов с Устиновым и прочее Политбюро — пойди пойми. И только нахождение в глубине вражеской территории, похоже, еще сдерживало личный со-

став от глупостей и вопросов, на которые у меня, как и у всех прочих, не было ответа...

Но, уж коль мы солдаты, приказ надо выполнять, пока живы. А сдохнуть сейчас — не вопрос, признаки слабости и заторможенности были почти у всех, и иди разберись — от воздействия радиации это или от общей усталости и безнадёги. Наши чудом уцелевшие медики уже явно ничего не понимали в происходящем, даже не зная что делать с теми двумя десятками тяжелораненых, которых мы тащили за собой. Дозиметры сначала сошли с ума, а потом по большей части сломались. Противогазы и ОЗК мы сначала надевали, а потом плюнули — в такой сбруе в люке не повернешься, да и прок от них в целом сомнителен. Я лично предпочел заматывать физиономию влажной тряпкой (чтобы гарь не лезла в легкие) в сочетании со штатными для любого танкиста противопылевыми очками.

Вообще, мы и так практически «долгожители» — нашу дивизию, как и всю 3-ю общевойсковую армию, рассчитывали минут на сорок боя, а мы, гляди-ка, воюем уже третью неделю, и живы. Пока...

А на дворе, между прочим, июль месяц, год 1983-й. Жаркое еще недавно, и уже последнее, видимо, лето, которое поразительно быстро сменилось этими странными, почти осенними по виду дождями, которые, похоже, не кончатся, пока не догорят пожары в руинах на месте крупных городов. А потом, если в популярных брошюрках «для служебного пользования» писали правду, все сменится очень длинной зимой, полной смерти и безмолвия. Что при этом будет с нами — про это даже думать не хотелось. Ладно, я неженатый, а вот куда возвращаться с этой войны тем, у кого остались семьи-дети-жены — неизвестно...

Под гусеницы моего командирского Т-80К все так же ложатся километры хороших бельгийских дорог. Называется, вот пришли освободители, встречай нас Европа. Но цветов от нее теперь не дождешься, от нее уже вообще ничего не дождешься. Тишина и безлюдье, нарушаемые только ревом и свистом наших дизелей и турбин. Проезжая через когда-то чистенькие и аккуратные немецкие и бельгийские городки и деревушки, мы в последние дни натываемся только на редкие трупы, брошенные легковушки, разграбленные магазины, бензоколонки и прочие следы разномасштабного мародерства. Людей нет вообще, видимо, если живы, отсиживаются по домам и погребам (если они здесь вообще есть). Не думаю, что натовцы нарыли такое количество противоатомных бункеров, в которое поместилась бы большая часть местного населения.

Следы бомбежек здесь уже попадались совсем редко — наши ВВС густо бомбили Западную Германию и, действуя на опережение, хорошо обработали Англию, при этом стараясь все-таки щадить мосты и дороги на пути к нашей основной цели. За что им спасибо. Хотя что им наше спасибо, если и наши и западные летуны сейчас по большей части уже на том свете? По аэродромам-то явно долбанули в первую очередь...

Впереди меня — разведка и пара Т-80Б. А вообще наша колонна не особо длинная. Тринадцать Т-80Б, считая мой, командирский танк, десять Т-64А и Б, плюс присоединившиеся к нам пять Т-55 и четыре Т-72М из 11-й мотострелковой дивизии Национальной Народной Армии ГДР (немцами командовал некий очень вежливый майор с музыкальной фамилией Вагнер, хорошо говорив-

ший по-русски — поскольку мы с ним были в одном звании, я поначалу даже предложил ему возглавить наш сводный отряд, но он тут же отказался, что значит дисциплинированная нация).

Плюс к этому три десятка БМП-1 и 2, три БРМ-1К и пять БРДМ-2 (считая две машины с ПТУРами) и шестнадцать БТРов — БТР-70, БТР-60 (включая даже три взявшихся непонятно откуда БТР-60ПА и пару БТР-60ПУ), а также пара санитарных МТ-ЛБ и прочая второстепенная техника — грузовики и бензозаправщики, как наши, так и подобранные по дороге трофейные.

Учитывая, что в нашем и соседнем полках в начале войны было по 104—105 Т-80 (а в полках соседней 7-й гвардейской танковой дивизии — по 95 Т-64), по 57—59 БМП-1 и 2, а также по 12—18 САУ и масса всякой прочей вспомогательной техники, можно с чистой совестью сказать, что от нас остались практически рожки да ножки, как в той детской песенке...

Главный плюс в том, что большая часть техники пока работала надежно, и в том, что пока еще есть топливо на брошенных бензозаправках и в баках оставленной на дорогах вокруг нас техники, поэтому тот НЗ, что мы везем с собой, не особо трагично. Ну а снаряды-патроны пока есть. Стрелять вот особо не в кого....

Между тем дождь наконец прекратился. Я поднял очки на налобник танкошлема и приспустил закрывающую лицо тряпку. Воздух отдавал перегоревшим топливом и пожаром. Все как всегда в последние дни.

Перед головным танком нашей колонны выскочили из-за поворота разведчики — блестящие от влаги БРМ-1К и БРДМ. С БРМ, соблюдая радиомол-

чание, махали красным флажком. Значит, произошло нечто важное.

— Колонна, стой! — крикнул я, в свою очередь отмахнув флажками, и скомандовал мехводу:

— Черняев, давай в голову колонны, навстречу разведке!

«Восьмидесятка» крутнулась влево и, обходя головные танки, рванула вперед.

Когда мы поравнялись с БРМ, я рассмотрел в ее башенном люке чумазую физиономию старшего лейтенанта Семеренко. Не скажу, что он был доволен, но страха я в его глазах не усмотрел.

— Товарищ майор, — доложил старлей. — Берег впереди!

— Точно?

— Абсолютно. Все по графику.

— Противника нигде не видно?

— Никак нет. Я там для уточнения обстановки одну «бардадымку» оставил...

— Тогда все помаленьку вперед...

Отмашка флажками, и колонна тронулась.

Километров через пять наши танки прошли через аккуратненький двух-трехэтажный городок под островерхими черепичными крышами, над которыми в пасмурной мгле угадывались шпили каких-то то ли соборов, то ли кирх (судя по карте в моем планшете и надписям на дорожных указателях, это был Остенде, провинция Западная Фландрия). Высекая траками искры из булыжных мостовых, наша колонна миновала город и на приличной скорости выкатилась к нашей главной цели.

Через пелену медленно рассеивающегося тумана я и без всякого бинокля рассмотрел серое море до горизонта, лениво шлепающее в берег. Справа в отдалении — явный порт с длинными пирсами

и маячившими за ними мачтами многочисленных яхт и прочего «тюлькиного флота», слева — полоса песчаного пляжа с разбросанными в беспорядке лежаками и пляжными кабинками, упирающаяся в невысокие дюны. На дюнах торчал брошенный «Леопард-1А4» или «А5» с открытыми люками и маркировкой бельгийской армии. Позади него стояла наша БРДМ-2 — разведчики, высунувшись из открытых люков, обозревали местность в бинокли. И больше ничего вокруг.

Я вылез из башенного люка и, сдвинув шлем на затылок, осмотрелся. Спрашивается, что я ожидал увидеть? Мокро и противно... Доконает меня эта сырость, комбез влажный, шлемофон влажный... Не хватало еще только помереть от простуды, во время ядерной-то войны...

Ветер, дувший с моря, ощутимо вонял сажей.

Колонна медленно рассредотачивалась на дороге вдоль пляжа.

— Заглушить двигатели и отдыхать! — крикнул я в сторону танков. — Передать всем!

Кажется, меня услышали, залязгали люки, и из машин полезли фигуры в черных комбезах и шлемах, а также мотопехота в полевом х/б. Спустившись на землю, танкисты разминали затекшие спины, ноги и задницы, пехтура снимала каски. У кого еще оставалось курево — закуривал.

А я все так же стоял на песке, попеременно разглядывая окружающий пейзаж и карту в моем расстегнутом планшете.

— И что там? — спросил подошедший ко мне первым из наших офицеров капитан Курков.

— Чего-чего. Сам слепой — не видишь? Дошли. Выполнили приказ. Вот он тебе Ла-Манш, он же Английский канал.

— А дальше?

— А буй его знает, что дальше...

Сказал я это предельно искренне. Это наши деды, дойдя до Эльбы или до Праги, наверное, знали, что будет дальше, а нас-то о продолжении не информировали. А точнее — не успели информировать. Да и будет ли оно теперь, это продолжение?

Нет, то есть планы Генштаба (или давно погибшего штаба нашей 3-й армии) мы выполнили в точности и, как и было предписано, на пятнадцатые-шестнадцатые (я отметил для себя, что сегодня у нас 22 июля) сутки вышли к намеченной цели. У Гудериана бы и то вряд ли лучше получилось. Собственно, мы могли выйти к устью Шельды еще три дня назад, но поскольку на Антверпен уже уронили энное количество килотонн, там стоял ад крошечный. Да и приказ наш касался исключительно участка Зеебрюге-Остенде.

А что теперь? В последнем радиосообщении было сказано — выйти в заданный район и удерживать плацдарм до подхода главных сил, дабы обеспечить форсирование Ла-Манша указанными главными силами. А где они теперь, эти самые главные силы? По-моему, все, кто были (а точнее, те, кто еще живы) — пришли сюда со мной. Конечно, не мы одни во всей Советской Армии остались, до намеченных довоенными планами рубежей явно много кто дошел, но действительно — дальше-то куда? Искать переправочные средства — и вперед, чудо-богатыри? В Англию? А на фиг?

— Товарищ майор! — услышал я голос все того же Семеренко. Он, спотыкаясь, бежал ко мне от своей БРМ.

— Чего там у тебя еще?

— Впереди техника!